

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Л.И. Бородкин

ГУЛАГ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Бородкин Леонид Иосифович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторической информатики, руководитель Центра экономической истории Исторического факультета МГУ.

В работах ряда историков, опубликованных в последние два десятилетия, обосновывается тезис о том, что с переходом к форсированной индустриализации на рубеже 1920–1930-х годов привел к созданию целого сектора «лагерной экономики». Экономическая структура ГУЛАГа выполняла ряд функций, осуществление которых методами принуждения и стимулирования труда, применявшимися на предприятиях с использованием вольнонаемного труда, было практически невозможным. Эти функции включали: обеспечение развития отдаленных районов страны; создание чрезвычайно мобильной рабочей силы, легко перебрасываемой с объекта на объект в зависимости от планов руководства страны; эксплуатацию этой рабочей силы практически без ограничений, вплоть до полного ее истощения; повышение дисциплинированности «свободных» работников из-за угрозы попасть в лагерь; снижение давления на скудный потребительский рынок, облегчение решения сложнейших социальных проблем (например, жилищной) ввиду изоляции миллионов заключенных и других «спецконтингентов». Сюда можно добавить и задачу экономии средств на содержание заключенных: ГУЛАГ существовал в условиях требования самокупаемости [6, с. 79–80].

В данной статье рассматривается период 1941–1945 гг., когда в лагерной системе реализовывался опыт решения задач мобилизационной экономики в ее предельном варианте. Война потребовала небывалого напряжения сил на фронте и в тылу, что не могло не повлиять на функции ГУЛАГа, численность и структуру его контингентов. Следует отметить, что термин «ГУЛАГ» используется в литературе расширительно, символизируя всю систему принудительного труда в НКВД-МВД на протяжении всей ее 30-летней истории.

В этом контексте используется этот термин и в данной статье. Каковы были эти изменения, каков был вклад ГУЛАГа в решение задач военной экономики страны в годы Великой Отечественной войны – вот вопросы, рассматриваемые в данной работе на основе архивных материалов.

* * *

Функционирование ГУЛАГа в годы войны отражено в целом ряде источников, преимущественно архивных. В центре нашего внимания находится документация НКВД СССР, ГУЛАГа, ряда ведомств и руководящих органов СССР, хранящаяся в фондах ГА РФ. Один из наиболее значимых документов – это доклад начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина наркому внутренних дел Л.П. Берия «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)»¹, датированный 17.08.1944 [3, с. 272–315]. Как отмечается в преамбуле к докладу, вся оперативная и производственно-хозяйственная деятельность ГУЛАГа НКВД СССР была направлена: на усиление изоляции заключенных и борьбу с антисоветскими проявлениями среди них; сохранение физического состояния заключенных и их полное трудовое использование; комплектование рабочей силы из заключенных для важнейших оборонных строителств и предприятий; всемерное усиление производства боеприпасов, спецукупорки и другой оборонной продукции и на расширение собственной продовольственной базы [3, с. 272]. Последний пункт представляется немаловажным, если учесть что в годы войны смертность в нем достигла чрезвычайно высокого уровня. Общая численность умерших в 1941–1945 гг. составила 932 268 человек [3, с. 441]. Большинство из заключенных скончались от голода и вызванных им болезней.

Как отмечается в упомянутом докладе начальника ГУЛАГа, с начала войны до июля 1944 г. общее число заключенных, содержащихся в ИТЛ и ИТК, снизилось с 2 300 000 человек до 1 200 000. За три года войны из лагерей и колоний убыли 2 900 000 человек и вновь поступили 1 800 000 человек осужденных. Изменился и состав заключенных по характеру совершенных преступлений: если в 1941 г. осужденные за контрреволюционные и другие особо опасные преступления составляли 27% от общего числа заключенных, то к июлю 1944 г. число осужденных этой категории возросло до 43%.

В первые же дни войны возникла необходимость эвакуации заключенных с территории, находившейся в непосредственной близости к зоне военных действий, где дислоцировалась значительная группа ИТЛ и ИТК (в частности,

1. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 77. Лл. 66–108.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Беломорско-Балтийский, Мончегорский ИТЛ и др.). При этом «значительная масса заключенных эвакуировалась пешим порядком нередко на расстоянии до 1000 км». Эвакуации подверглись 27 ИТЛ и 210 ИТК с общим числом заключенных 750 000 человек [3, с. 274–275].

Уже 22 июня 1941 г. появилась директива Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР № 221 о переводе лагерей, тюрем и колоний на военное положение, которая содержала требование ко всем наркомам внутренних дел республик, начальникам УНКВД краев, областей, начальникам ИТЛ «прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников». Указанные заключенные, а также польские контингенты, немцев и иноподданные должны были быть сосредоточены в усиленно охраняемых зонах, следовало прекратить бесконвойное использование на работах и перевести охрану лагерей, тюрем и колоний на военное положение [5, с. 158].

За годы войны значительная часть заключенных ГУЛАГа пополнила ряды Красной Армии. 12 июля и 24 ноября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указы о досрочном освобождении ряда категорий заключенных, осужденных за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления и передаче лиц призывных возрастов в Красную Армию. В результате были освобождены 420 тыс. заключенных. За три года войны на укомплектование Красной Армии было передано 975 тыс. заключенных ГУЛАГа [3, с. 275].

Многочисленные просьбы «политзаключенных» (осужденных по ст. 58) направить их на фронт, за крайне редким исключением, не удовлетворялись.

Отметим, что передача досрочно освобожденных в Красную Армию проводилась в лагерях и колониях в результате персонального отбора; из них создавались специальные команды, которые организованно направлялись в военкоматы и места формирования воинских частей. Как отмечается в докладе начальника ГУЛАГа, пяти бывшим заключенным в годы войны были присвоены звания Героев Советского Союза [3, с. 275].

* * *

В каких условиях труда и быта работали заключенные ГУЛАГа в годы войны? Эти условия были особенно тяжелыми в первые два года войны. На первый план выходила проблема продовольственного дефицита в лагерях. Так, в письме заместителя наркома внутренних дел СССР Чернышева, направленном 16.03.1942 в СНК СССР Микояну, говорится о том, что такие продукты, как рыба и жиры, на протяжении шести месяцев в лагерях почти полностью отсутствовали, что привело к резкому росту цинготных и пеллагрических заболеваний и смертности заключенных, а также к увеличению числа

слабосильных, в результате чего «огромное количество заключенных фактически не выводится на работы»².

В другом письме Чернышева Микояну от 23.03.1942 отмечается, что недостаток крупы и муки для замены недостающего картофеля и овощей приводит «к постоянному отсутствию объемистой пищи и истощению людей»³. В письме Чернышева, направленном Микояну через месяц, 25.04.1942, обращается внимание на то, что Наркомторг СССР отказал ГУЛАГу в выделении во втором квартале 1942 г. рыночного фонда на махорку для снабжения контингентов лагерей и строителей НКВД. И таких документов в фонде 9414 ГА РФ немало.

Условиям труда и быта в лагерях посвящен и специальный раздел упомянутого доклада начальника ГУЛАГа Наседкина. Например, в нем констатируется, что «для всех заключенных установлено три выходных дня ежемесячно и ежедневно восьмичасовой непрерывный отдых для сна» [3, с. 279]. Однако администрация лагерей зачастую не соблюдала эти и другие установленные правила содержания заключенных. В результате «заключенные теряют работоспособность, переходят в категорию слабосильных, инвалидов, и т.д.» [3, с. 508–509].

Однако в 1941–1942 гг. лагерный контингент сталкивался и с более тяжелыми проблемами, чем недостаточная длительность сна. В рапорте начальника ГУЛАГа Наседкина наркому внутренних дел Берия 23 мая 1941 г. отмечается, что заключенные Печорского лагеря выводятся на работу в вальной обуви и старых брезентовых ботинках. «В условиях весенней распутицы они целыми днями простаивают в холодной воде и грязи, что вызывает большое количество простудных заболеваний. <...> Угрожающе возросло количество цинготных заболеваний», на южном участке Печорлага 10 мая зарегистрировано 8389 больных цингой. Вшивость среди заключенных достигает 70%⁴. Ситуация в этом лагере еще более усугубилась через несколько месяцев, когда заболеваемость и смертность приняла «угрожающие размеры», при этом наибольшее количество смертных случаев имели место в результате заболеваний пеллагрой и гемоколитом при полном истощении людей. В августе умерли 322 заключенных, в сентябре – 692, за девять дней октября – 210 заключенных. В заключительном разделе рапорта констатируется: «Санотдел Севпечлага необходимых мер по улучшению санитарного состояния лагеря не принимает»⁵.

2. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 34. Л. 168.

3. Там же. – Л. 184.

4. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 42. Лл. 40–41.

5. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 39. Лл. 88–89.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Еще более удручающая картина условий работы и быта заключенных представлена в развернутом докладе (от 18.12.1941) ответственного инструктора политотдела ГУЛАГа О.А. Разиной начальнику ГУЛАГа Наседкину о работе УИТЛК УНКВД Новосибирской области [3, с. 500–508]. В докладе отмечается, что в первом квартале 1941 г. в лагере умерли 484 человека, а в ноябре уже 1308. Анализируя причины резкого роста «истощенности и смертности в лагере, а следовательно, – причины вывода рабочей силы из строя», автор доклада выделяет несколько факторов [3, с. 502]. При обследовании жилищно-бытовых условий заключенных была выявлена «скученность и перегруженность» жилых помещений (0,7 м² на одного заключенного), в одном из отделений жилой фонд состоит «сплошь из палаток, совершенно не приспособленных к жилью в условиях сибирской зимы», неотопленных, грязных, без тамбуров. Санитарное состояние лагеря охарактеризовано как неудовлетворительное, большинство отделений завшивлены, на некоторых люди не мылись в бане около двух месяцев.

Далее в разделе «Питание» доклада Разиной приводятся данные проверки, свидетельствующие о том, что за три квартала 1941 г. по лагерю недодано продуктов питания заключенным на сумму 10 млн руб., из коих мяса – на 2,3 млн руб., рыбы – на 3,4 млн руб., жиров – на 2 млн руб. Так, во втором квартале недодано мяса свыше 67% полагающейся нормы. Отмечается, что «недополучение основных продуктов питания, безусловно, привело к ослаблению заключенных». Одна из причин такого положения – это «хищение продуктов до закладки их в котел» почти во всех лаготделениях. Разина приводит конкретные данные об этих хищениях, о плохом качестве пищи, готовящейся без «дифференциации котлов». «Большое количество смертельных исходов в бараках и на местах работы связывается в докладе и с “неправильной, а подчас преступной” работой санитарных частей по оказанию помощи ослабленным и больным заключенным» [3, с. 503].

Документ содержит немало описаний трагической судьбы заключенных этого лагеря. Один из фактов, представленных в докладе, касается этапа в 180 человек, прибывшего в Антибес (Новосибирская обл.) для отправки в Ново-Ивановку 5.11.1941. Встретили этап начальник конвоя и четыре стрелка без врача. Прибывшие люди были истощены и раздеты, около трех суток их не кормили. Когда стали сажать людей на машины, четыре человека не смогли выйти из вагона. Далее заключенных везли на открытых машинах около восьми часов. Шел снег с дождем, и по прибытии этапа в Ново-Ивановку с машин сняли три трупа, восемь человек положили в больницу, где четверо скончались.

Архивы лагерной системы содержат целый ряд таких эпизодов, хотя очевидно, что они фиксировались только в случае прибытия в лагерь инспекционной комиссии, посланной руководством ГУЛАГа или НКВД.

В силу указанных причин, связанных с конфликтом интересов руководства ГУЛАГа и НКВД, с одной стороны, и администрации лагерей – с другой, а также трудностей начального периода войны, трудовой потенциал лагерной системы в течение 1941–1942 гг. заметно сократился. Как отмечается в докладе Наседкина, в 1942 г. численность заключенных, годных к тяжелому и среднему физическому труду, снизилась до 36% от общей численности заключенных.

Такое снижение доли работоспособных заключенных заставило руководство ГУЛАГа принимать меры, о которых говорится в разделе «Мероприятия по улучшению физического состояния заключенных» доклада Наседкина. Ситуацию удалось в определенной степени улучшить к 1944 г. Так, жилая площадь была доведена в среднем до 1,8 м² на одного заключенного, а для «заключенных-рекордистов и отличников производства во всех лагерях и колониях выделены специальные бараки из расчета 3 м² жилой площади на человека, оборудованные койками с комплектом постельных принадлежностей» [3, с. 278–279].

В условиях войны ГУЛАГ перешел к непосредственной реализации и транспортировке в лагерь и колонии продовольственных товаров из централизованных фондов. Одновременно в ИТЛ и ИТК была проведена работа по созданию и расширению подсобных хозяйств, что привело к росту сельскохозяйственных посевных площадей (без учета специализированных сельхозлагерей) с 16 тыс. га в 1941 г. до 90 тыс. га в 1944 г. и росту сбора картофеля за этот период с 50 тыс. т до 102 тыс. т, овощей – с 26 тыс. т до 76 тыс. т, а зерновых – с 3 тыс. т до 35 тыс. т. Заметно увеличилось в лагерных подсобных хозяйствах и поголовье крупного рогатого скота (почти в 3 раза). При этом Наседкин признает, что существующая в 1944 г. норма питания заключенных (со всеми дополнительными пайками) была по калорийности на 30% ниже довоенной [3, с. 279–280].

Несмотря на то что промышленными колониями ГУЛАГа производились сотни тысяч и даже миллионы единиц зимнего и летнего обмундирования и обуви для заключенных, общая потребность лагерей и колоний в вещевом довольствии к 1944 г. была удовлетворена лишь на 70–80%. В докладе отмечается также, что за счет переработки пришедшей в негодность одежды и обуви в лагерях и колониях пошито 320 тыс. пар белья, 590 тыс. пар зимнего обмундирования и 1,4 млн пар разной обуви [3, с. 282].

В качестве важной задачи в докладе указано и восстановление физического состояния заключенных. К 1944 г. вследствие проведения специальных медико-санитарных мероприятий заболеваемость в ГУЛАГе снизилась до 16%, выходы заключенных на производство увеличились на 10% [3, с. 280–287].

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

В целом следует отметить, что доклад начальника ГУЛАГа не отражает в достаточной мере поистине трагического положения заключенных лагерей в первые два года войны. Характерно, что данные об уровне заболеваемости в лагерях даны из расчета на год, в то время как единственное упоминание об уровне смертности в «пиковом» 1942 г. приводится в среднемесечном исчислении (2,1%), что было призвано затушевать чрезвычайно высокий годовой показатель смертности (24,9%).

* * *

Теперь обратимся к вопросу о производственной деятельности ГУЛАГа, его вкладу в экономику страны в годы войны.

Уже 26 июня 1941 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия направил письмо И.В. Сталину о пересмотре плана капитальных работ на 1941 г. в связи с началом войны⁶. В нем он предлагает пересмотреть план капитального строительства НКВД СССР на 1941 г., сократив объем работ на 2183 млн руб. (при плановом объеме на 1941 г. 7100 млн руб.). В первую очередь это относилось к стройкам, прилегавшим к районам военных действий, а также к объектам, строительство которых требовало участия иностранных партнеров. Так, в письме предлагается прекратить работы по цементным заводам (Теплоозерскому, Нерчинскому и Сучанскому), оборудование для которых должно было поступить из Германии, а также по ряду гидроэлектростанций (Боровичской, Ивановской и др.), для запуска которых требовалось шведское, немецкое и швейцарское оборудование. В письме предлагается также остановить прокладывание ряда водных путей и железных дорог. Освобождающиеся людские и материальные ресурсы Берия полагал целесообразным направлять на укомплектование и ускорение строительства остающихся объектов и частично передать другим наркоматам (в частности Наркомцветмету).

Уже в последующие месяцы, когда положение на фронте стало быстро ухудшаться, эти планы пришлось корректировать. За годы войны на стройки и в лагеря НКВД были направлены свыше 2 млн заключенных. Большая часть из них работала на строительстве железных дорог – 448 тыс. человек, в лесной промышленности – 320 тыс., в промышленном строительстве – 310 тыс., в аэродромном и шоссежном строительстве – 268 тыс., в горно-металлургической промышленности – 171 тыс. человек [3, с. 276]. При этом основное внимание уделялось строительству авиационных заводов в Куйбышеве, металлургических комбинатов в Н. Тагиле, Челябинске, Актюбинске и Закавказье, Норильского комбината, Джидинского комбината, Богословского

6. ГА РФ. Ф. Р-5446. Он. 25а. Д. 7227. Л. 12–23.

алюминиевого завода, строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали, стратегической железной дороги Саратов – Сталинград, железной дороги Комсомольск – Совгавань, нефтеперерабатывающего завода в Куйбышеве.

В годы войны часть заключенных работала на объектах, подчиненных главным НКВД, другая часть была занята на контрагентских работах, выполняя производственные задачи на стройках и в хозяйствах других ведомств. На первом этапе войны, как следует из архивных материалов, значительная часть запросов на контрагентскую рабочую силу ГУЛАГа оставалась неудовлетворенной.

Так, в ответе на запрос Госплана СССР от 17.08.1942, в котором содержалась просьба к руководству НКВД СССР выделить 1200 заключенных Наркомстрою для работ на заводе № 510 Наркомата химической промышленности в Кемерове, последовал отказ со следующей аргументацией: «НКВД СССР не располагает свободными контингентами рабочей силы по Новосибирской области. Все заключенные, занятые на работах в системе НКВД, используются на работах НКБ, НКАП⁷ и других Наркоматов, выпускающих оборонную продукцию. Все последующие поступления из тюрем также уже распределены»⁸.

На ряде объектов нехватка рабочей силы преодолевалась путем привлечения различных трудовых контингентов. Так, строительство Челябинского металлургического завода – одного из важнейших объектов промышленного строительства ГУЛАГа, начавшееся в конце 1941 г., требовало концентрации значительных трудовых ресурсов. Они включали различные категории спецконтингента, к которым относились и заключенные Челябинлага (в среднем от 5 тыс. до 15 тыс. человек), мобилизованные советские немцы (их рабочие колонны насчитывали примерно 20–23 тыс. трудармейцев) и с 1943 г. – военнопленные (8–12 тыс. человек) [2, с. 45].

Напряженная ситуация с рабочей силой ГУЛАГа в течение первых двух лет войны объясняется рядом факторов: передачей больших контингентов заключенных в Красную Армию, чрезвычайно высокой смертностью в лагерях, масштабом строительства оборонных объектов. Эти процессы отразились и в динамике суммарной численности заключенных ИТЛ и ИТК в годы войны: 1941 г. – 1 929 729 з/к, 1942 г. – 1 777 043, 1943 г. – 1 484 183, 1944 г. – 1 179 819, 1945 г. – 1 460 677 з/к [4, с. 129–130]. Определенную роль сыграла и хаотичность первого года войны, когда огромные массы заключенных перемещались в новые места дислокации лагерей, шла перестройка промышленности на военный лад, разворачивались эвакуированные предприятия.

7. НКБ – Наркомат боеприпасов СССР, НКАП – Наркомат авиационной промышленности СССР.

8. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 34. Л. 415. Орфография оригинала сохранена.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Ситуация с нехваткой рабочей силы в промышленности и строительстве существенно изменилась в 1944 г. Об этом можно судить на основе целого ряда архивных документов. Наиболее емко характеризует эту ситуацию докладная записка начальника Центрального финансового отдела НКВД СССР Л.И. Берензона об излишней рабочей силе на стройках и предприятиях НКВД, направленная в ноябре 1944 г. наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии⁹. В документе отмечается, что, хотя обеспеченность ряда крупнейших лагерей и строек НКВД рабочей силой достигла 100 и больше процентов, на эти объекты продолжает завозиться рабочая сила «как заключенные и военнопленные, так и бывшие окруженцы».

В результате в 1944 г. лагерная рабочая сила из заключенных выделялась уже для 640 предприятий и строек других наркоматов, в то время как до войны заключенные работали только на 350 предприятиях. Об интенсификации работы заключенных в годы войны можно в определенной степени судить по данным, которые приводит в своем докладе Наседкин: выработка на один человеко-день увеличилась с 9,5 руб. в 1940 г. до 21 руб. в 1944 г. [3, с. 277].

Важнейшим вкладом в военную экономику страны в годы войны было производство боеприпасов. Только за три года войны общий выпуск всех видов боеприпасов предприятиями ГУЛАГа составил более 70 млн единиц, в том числе: мин М-82 и М-120 – 25,5 млн штук, ручных гранат и запалов – 35,8 млн, противопехотных мин – 9,2 млн, авиабомб – 100 тыс. штук. Тем самым НКВД СССР выдвинулся на второе место среди наркоматов по выпуску осколочно-фугасных мин.

Заключенные 35 промышленных колоний были переброшены в 1941–1942 гг. на выпуск осколочно-фугасных мин «М-50» и ручных гранат «РГД-33». Несмотря на ограниченность станкооборудования, низкую культуру производства и недостаток инженерно-технических кадров, задания Правительства по выпуску боеприпасов в 1941 г. были выполнены на 138%, было произведено 770 000 штук мин и гранат, а в 1944 г. количество выпускаемых боеприпасов в квартал исчислялось уже в 10 млн единиц [3, с. 290–291].

Еще один вид продукции для нужд фронта, в производстве которой НКВД СССР занимал второе место среди всех наркоматов – спецкупорка, предназначенная для упаковки различных боеприпасов. С первых дней войны на производство спецкупорки было переключено 58 промышленных деревообрабатывающих колоний ГУЛАГа. Начав в 1941 г. выпуск упрощенной пороховой и патронной укупорки, предприятия ГУЛАГа освоили в 1942 г. более сложную спецкупорку, предназначенную для упаковки снарядов, мин,

⁹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2000. Лл. 195–196.

авиабомб. За три года войны силами заключенных было изготовлено 20,7 млн комплектов спецукупорки, задание ГКО было выполнено на 107%. При этом выпуск в 1943 г. вырос в 2,8 раза по сравнению с 1941 г. Существенно, что производство спецукупорки обеспечивалось пиломатериалами за счет собственных лесозаготовок [3, с. 291–292].

Предприятия ГУЛАГа первыми в стране освоили производство комбинированных источников питания – аппаратов «КИП» для раций войск связи Красной Армии. Изготовлено было 500 тыс. катушек для полевого телефонного кабеля, 1,700 млн масок для противогазов и др. На 20 предприятиях ГУЛАГа было пошито 22 млн единиц обмундирования для Красной Армии [3, с. 292]. (Напомним, что с лета 1942 г. и до конца войны численность армии была в среднем 11 млн человек.) Только в 1944 г. ГУЛАГ построил 24 новых аэродрома с твердым покрытием, восстановил 35 аэродромов в районах, освобожденных от немецкой оккупации¹⁰.

Как отмечено в докладе начальника ГУЛАГа, производительность труда в 1943 г. по сравнению с 1941 г. поднялась на 80%. Годовая выработка на одного рабочего в экономике ГУЛАГа возросла с 5600 руб. в 1940 г. до 10 500 руб. в 1944 г. Объем товарной продукции, выпущенной промышленными предприятиями ГУЛАГа за три года войны, в отпускных ценах выразился в 3,651 млрд руб., сельскохозяйственной продукции – в 1,188 млрд руб., поступления за выделяемую рабочую силу другим наркоматам – 2,570 млрд руб. [3, с. 295]. На контрагентских работах на 1 января 1945 г. было занято 265 140 человек¹¹. В 1944 г. заключенные добыли 70,534 т золота¹².

Об отраслевой структуре промышленной продукции ГУЛАГа можно судить по данным за 1942 г.: по стоимости товарной продукции удельный вес цветной металлургии был 26,8%, лесной промышленности – 14,8, швейной – 14,0, металлообработки – 7,8, деревообработки – 6, топливной промышленности – 5% и т.д.¹³

Как утверждает начальник ГУЛАГа, хозяйственные подразделения ГУЛАГа осуществляли свою производственную деятельность и содержание заключенных на основе полной самоокупаемости¹⁴.

10. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 242.

11. ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 330. Л. 60.

12. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 243.

13. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 44а. Д. 4884. Л. 35.

14. Отметим, что уже в первые годы после войны руководство ГУЛАГа и МВД СССР обращались к руководству страны с просьбой перевести ГУЛАГ на госбюджет, поскольку достичь самоокупаемости лагерной системы не удается. Об этом см.: 1, с. 129–156.

* * *

Суммируя сказанное, следует отметить, что в условиях войны, когда мобилизационная экономика СССР перешла в предельно напряженный режим, экономическая роль ГУЛАГа возросла. Контингенты ГУЛАГа, работая как на объектах, порученных главкам НКВД, так и на предприятиях и строительствах других наркоматов, внесли существенный вклад в производство боеприпасов, добычу цветных металлов, угля и нефти, пошив обмундирования для Красной Армии, строительство оборонных предприятий, аэродромов, шоссейных и железных дорог. При этом около 1 млн заключенных были направлены в ряды Красной Армии, а еще около 1 млн скончались за годы войны ввиду высокой смертности, сопутствовавшей тяжелым условиям жизни и труда в лагерях. Вместе с тем численность рабочей силы ГУЛАГа не превышала 10% от численности всех занятых в промышленности и строительстве. Очевидно, в терминах ВВП или объема промышленного производства вклад ГУЛАГа измерялся несколькими процентами. Лагерные контингенты практически не привлекались к производству танков, самолетов, артиллерийских орудий, автомобилей, а также многих видов «гражданской» продукции. Однако на нескольких прорывных направлениях военной экономики, о которых шла речь выше, вклад ГУЛАГа трудно переоценить.

Литература

1. Бородкин Л.И. Труд в ГУЛАГе: Между принуждением и стимулированием // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. – М., 2005. – 318 с.
2. Бородкин Л.И., Цепкалова А.А. «В срок и досрочно»: Контингенты ГУЛАГа на строительстве Челябинского металлургического завода // Уральский исторический вестник. 2011. – № 1 (30). – С. 41–49.
3. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2002. – 885 с.
4. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. / Т. 4. Население ГУЛАГа: Численность и условия содержания / Отв. ред. А.Б. Безбородов, В.М. Хрусталева. – М., 2004. – 623 с.
5. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Отв. за вып. Е.А. Зайцев. – М., 1993. – 224 с.
6. Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930–1953 гг.: Масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. – М., 2005. – С. 67–89.
7. Эртц С. Лагерная система в 1930–1950-е годы: Эволюция структуры и принципов управления // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Под ред. Л. Бородкина, П. Грегори, О. Хлевнюка. – М., 2005. – С. 90–128.